

Copyright © 2022 by Cherkas Global University



Published in the USA  
 Bylye Gody  
 Has been issued since 2006.  
 E-ISSN: 2310-0028  
 2022. 17(1): 359-367  
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.359

Journal homepage:  
<https://bg.cherkasgu.press>



## State Policy Towards Ethno-Confessional Minorities during the Reign of Alexander III and Nicholas II: Background and Systemic Limitations

Viktor V. Titov <sup>a,\*</sup>

<sup>a</sup> Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

### Abstract

The article analyzes the specifics, background and limitations of the state policy towards ethno-confessional minorities during the reign of Alexander III and Nicholas II. The choice of this chronological framework of the study is due to the fact that it was at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the authorities of the empire began to implement a consistent policy of formation an all-Russian imperial identity. The work methodology is based on a combination of elements of structural and comparative analysis. The source base of the study includes unpublished materials from the funds of the structural divisions of the Ministry of Internal Affairs (stored in the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive) and a corpus of sources of personal origin.

It is possible to conclude that the state policy towards the largest ethno-confessional minorities, pursued by the leadership of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries, was, as a rule, rational and aimed at minimizing political risks and conserving the existing architecture of ethnic and inter-confessional relations. At the same time, the logic of the actions of the authorities was not due to systemic xenophobia. The authorities of the empire built own strategy based on considerations of ensuring socio-political stability and external security, at least in the short term. The implementation of major projects related to the full integration of internal - ethnic and religious – «significant others» into the socio-cultural space of the emerging all-Russian imperial identity required significant resources and involved the use of mechanisms that would inevitably lead to sharp conflicts within the ruling elites.

It is important to notice that the policy of the authorities towards a number of ethno-confessional minorities was determined and limited by a foreign policy factor – the desire to contain the growth of the destructive influence of foreign powers on the ethno-political situation inside Russia. At the same time, the conflicting experience of interaction with the bearers of specific ethnic and religious identities in the past, the presence of traumatic stories in their collective memory, negative ideas about Russians or imperial power were also taken into account.

**Keywords:** state policy, all-Russian imperial identity, ethno-confessional minorities «significant others», Alexander III, Nicholas II.

### 1. Введение

Место этноконфессионального фактора в государственной политике последних российских императоров традиционно исследуется в весьма ограниченном контексте. Как правило, его пытаются осмыслить исключительно в русле национальной политики, понимаемой узко, сквозь призму практик политико-административного принуждения и «русификации». При этом картина событий, с ней связанных, отображается в достаточно специфической форме: причинно-следственные связи раскрываются преимущественно с позиции наличия у конкретных государственных деятелей определенных, как правило негативных, этнических стереотипов, выступавших в роли «фильтров

\* Corresponding author

E-mail addresses: [VVTitov@fa.ru](mailto:VVTitov@fa.ru) (V.V. Titov)

восприятия» конкретных национальных и конфессиональных групп внутри империи. Не учитываются ни внешнеполитический контекст происходящего (хотя именно взаимоотношения с иными державами зачастую определяли специфику национальной политики на окраинах Российской империи), ни особенности внутриполитической ситуации (в том числе – в ракурсе взаимоотношений отдельных этносов и конфессий, населявших в то время Россию). Игнорируется и столь значимый момент, как модель взаимодействия политического руководства империи с многочисленными этническими элитами, в первую очередь – с родоплеменными старшинами и феодальной аристократией. Не берутся в расчет ресурсные факторы и ключевые элементы жизненного уклада конкретных этносов, населявших Россию, точнее – их влияние на политику императоров и их окружения в национальном вопросе. Отдельно необходимо отметить, что национальная политика властей исследуется вне контекста стратегии построения имперской идентичности, которая отчетливо прослеживается в действиях как Александра III, так и его преемника.

Также важно констатировать, что длительное время (включая современный период) рассматриваемая тема испытывала если не прямое, то опосредованное воздействие политической конъюнктуры, в том числе влияние на ее разработку оказывали не всегда беспристрастные оценки зарубежных авторов, посвященные судьбе этнических общин эмигрантов из императорской России (в первую очередь – поляков и евреев). Соответствующие публикации зачастую содержали в себе стереотипные демонизированные образы империи, использовавшиеся за рубежом как инструмент манипуляции общественным мнением (в данном случае необходимо подчеркнуть, что в рамках информационных войн XX в. СССР зачастую позиционировали как правопреемника дореволюционной России в роли «жандарма Европы»).

Затрагивая вопрос об актуальности темы, необходимо указать и на потребность ревизии отдельных ее аспектов в силу их глубокой политизации. Значительное количество нарративных источников, а также научных и научно-популярных публикаций содержит априори недостоверную информацию о восприятии внутренних «значимых других» (в лице конкретных этносов и конфессий, населявших Россию) политической элитой империи в последние десятилетия ее существования. С одной стороны, существует тенденция, в рамках которой последних российских императоров и их ближайшее окружение позиционируют как едва ли не правых радикалов-ксенофобов. С другой – в рамках научно-популярных работ и производной от них публицистики популяризируются разнообразные конспирологические теории (наподобие версии «ритуального убийства царской семьи инородцами»), призванные демонизировать национальные и конфессиональные меньшинства в дореволюционной России. При этом соответствующий нарратив активно используется и для генерирования этнополитической конфликтности в современной России.

Все это подчеркивает высокую актуальность выбранной нами темы исследования, целью которого является анализ предпосылок и ограничений государственной политики в отношении этноконфессиональных меньшинств в период правления Александра III и Николая II.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что именно в обозначенный период руководство империи начало реализовывать последовательную политику, направленную на выстраивание имперской модели общероссийской национально-государственной идентичности. Можно полагать, что это в первую очередь было связано с интенсификацией процесса формирования российской нации под воздействием расширения системы массового образования, развития экономических связей между регионами империи и появления общедоступной транспортной системы в виде сети железных дорог, связавших страну воедино, а также влиянием импорта «культурного национализма» из Европы.

## 2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает в себя ранее не опубликованные материалы из фондов различных подразделений Министерства внутренних дел, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Также при написании исследования использовались источники личного происхождения (Витте, 1960; Головин, 2006; Гурко, 2000; Гучков, 1993; Кизеветтер, 2001; Коковцов, 1992).

Методология работы выстраивается за счет комбинации структурного и сравнительного анализа. Применение первой методики дало возможность выделить наиболее заметные сообщества «значимых других» в социальной структуре Российской империи, использование второй – сопоставить их позиционирование в рамках имперской политики идентичности и выявить отличия в специфике восприятия конкретных этносоциальных групп элитами дореволюционной России.

## 3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии представленная тема изучалась на основе достаточно узкой источниковой базы, вне контекста теории социальной идентичности и преимущественно в рамках конкретных региональных и этнических кейсов, без обобщения ситуации на уровне империи в целом (Гессен, 1906; Липранди, 1909; Мессарош, 1897; Мехелин, 1908; Морозов, 1895).

В публикациях советского периода исследователи получили возможность использовать широкий корпус делопроизводственных документов, отложившихся в архивах. Для их работ также характерен комплексный подход к соответствующей проблематике. Однако концептуально они были ограничены, вынуждено приводя свои выводы в соответствие с официальной идеологией (Бурмистрова, 1962; Зайончковский, 1970).

В постсоветский период возникла возможность исследовать тему в объективном ключе, используя новые виды источников. Однако соответствующие изыскания зачастую по-прежнему проводились вне контекста теории идентичности. Также следует отметить, что некоторые исследователи оказались под сильным влиянием идей основателей соответствующих историографических школ, что способствовало заимствованию выработанных ранее клише, достоверность которых опровергается содержанием недавно введенных в научный оборот источников (Горизонтов, 1999; Дякин, 1995; Кудряшев, 2018; Кисляков, 2011; Левин, 2017). В целом следует признать, что, несмотря на наличие большого числа работ, напрямую или косвенно затрагивающих интересующую нас тему, степень ее научной разработанности остается лакунарной и фрагментарной.

#### 4. Результаты

Политика идентичности, будучи сложным структурно-функциональным и управленческим комплексом, несомненно, включает в себя два таких стратегических направления, как формирование системы координат и «фильтров восприятия» для самовосприятия общности носителей данной модели самоопределения и выработку системы представлений для обозначения «значимых других» – иных социальных субъектов, частично или полностью выпадающих из пространства идентичности базовой группы.

Как известно, «значимых других» условно можно разделить на внешних и внутренних социально-политических акторов. В рассматриваемом нами случае к коллективным внутренним акторам относятся макросоциальные группы, находящиеся в рамках территориально-политического пространства Российской империи, но по тем или иным причинам сопротивляющиеся попыткам интеграции в структуру имперской модели национально-государственной идентичности (Титов, 2021: 874).

Представляется, что в качестве основных представителей внутренних «значимых других» в структуре населения империи (с точки зрения официальных властей) можно выделить следующие этнические, этнокультурные и конфессиональные группы: поляки, евреи, украинцы, финны, этнические немцы, народы Северного Кавказа и Закавказья, коренное население Средней Азии, униаты, старообрядцы. Считаем, что повышенное внимание политического руководства империи к этим народам обуславливалось рядом обстоятельств.

Во-первых, степень интеграции большинства обозначенных групп в общее культурное пространство империи оставалась достаточно невысокой. Этому способствовали практика компактного проживания этнических миноритарных групп, конфессиональные различия, отсутствие унифицированной системы всеобщего начального образования на государственном языке, невысокая численность русского населения на этих территориях (последнее было в особенности характерно для Польши, Финляндии, Прибалтики, западных районов Украины и Белоруссии) (Миллер, 2007: 341; Погодин, 2015: 351; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1385. Л. 29-30).

Во-вторых, значительная часть указанных групп относилась к категории «разделенных народов». При этом власти сопредельных государств (в особенности – Австро-Венгрия) последовательно культивировали среди своих подданных, относящихся к миноритарным этническим сообществам, агрессивный национализм русофобского толка. Одновременно следует признать и тот факт, что в конце XIX – начале XX столетий в среде «этнической» интеллигенции в российской части Польши и Украины, а также Финляндии стали возникать незаконные объединения, тесным образом сотрудничавшие с зарубежными спецслужбами (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 214. Л. 47-50; Погодин, Рябова, 2016: 343). Эта тенденция сочеталась с активным вовлечением этнических поляков, евреев, украинцев, белорусов в революционное движение (Дякин, 1995: 137; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 4. Л. 41-42).

Также необходимо учитывать, что многие западные территории России (в первую очередь – Польша, Прибалтика и Финляндия) были тесным образом связаны в экономическом плане с зарубежными государствами и сравнительно слабо – с политико-экономическим и социокультурным центром империи (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 197. Л. 32-34).

Интеграцию обозначенных народов в политико-культурное пространство общероссийской имперской идентичности осложняли многочисленные негативные реминисценции, связанные с травмирующими обстоятельствами их присоединения к России. Эти драматические сюжеты социальной памяти достаточно глубоко укоренились в массовом сознании целого ряда этносов, населяющих империю, и служили для них ценностно-смысловой основой воспроизводства «образа врага» в лице российской государственности во всех ее проявлениях: и этническом русском, и конфессиональном православном, и официально-политическом российском. Особенно остро данная проблема обозначилась в Польше и на Северном Кавказе. В последнем случае ситуация еще более усугублялась негативной реакцией местного населения на переселенческую политику центра. При этом религиозные лидеры, главы кровнородственных объединений зачастую тайно

содействовали росту антироссийских настроений, интерпретируя переселение казаков на кавказские земли как колонизацию (ГАРФ. Ф. 102. Оп 4. Д. 121. Л. 63-65; Гурко, 2000: 114; Кизеветтер, 2001: 78).

Несколько иная ситуация сложилась в Средней Азии: там интеграцию местного населения в территориально-политическое пространство России и распространение имперской идентичности объективно затруднял кочевой образ жизни значительной части населения. Номады зачастую взаимодействовали с представителями империи исключительно в финансовом – фискальном и торговом – плане, сохраняя существенную культурную автономию от центра (Дякин, 1995: 139; Миронов, 2003: 221; РГИА. Ф. 1287. Оп. 35. Д. 1385. Л. 27-28).

Общей проблемой для Кавказа и Средней Азии были последствия специфического курса на форсированную интеграцию соответствующих регионов в политико-территориальное пространство России посредством инкорпорирования этнических элит в общеимперский правящий слой. Предполагалось, что решение этой задачи позволит сэкономить ресурсы, расходуемые на осуществление военно-политического и административного контроля над присоединенными территориями. Согласно логике политического руководства империи, «обрусевшие» представители местных элит по своей инициативе и за счет собственных средств будут реализовывать проекты по ассимиляции коренного населения.

Однако на практике сложилась противоположная ситуация: этнические элиты консервировали существовавшие социально-экономические отношения и системы неформального управления. Как правило, они проявляли себя в качестве «европейцев» лишь в рамках общения с представителями государственной администрации или в период пребывания на территории условной «метрополии» – в Москве и Санкт-Петербурге. Такая модель поведения детерминировалась, с одной стороны, рациональным выбором: она позволяла «этнической» аристократии сохранить большую часть прежних привилегий и в то же время заручиться поддержкой официального Санкт-Петербурга. С другой стороны, важно учитывать, что лояльность многих из представителей местных элит обеспечивалась преимущественно осознанием военного превосходства российской армии и на практике многие из них желали бы возвращения к прежним порядкам. Ситуацию усугубляло то, что многие представители высшей бюрократии империи готовы были закрыть глаза на низкую степень интеграции недавно присоединенных регионов в обмен на обеспечение мира и стабильности. Согласно их точке зрения, полноценная интеграция местных жителей в состав медленно формирующейся российской нации была либо в принципе невозможна, либо неизбежно состоялась бы позднее, под воздействием объективных факторов – последний реализацией инфраструктурных проектов, переселенческой политики и развития торгово-промышленных отношений (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 153. Л. 54-57; Гучков, 1993: 74; Кудряшев, 2013: 61; Коковцов, 1992: 35).

Следует отметить, что по мере осложнения отношений с Германией и Австро-Венгрией официальный Санкт-Петербург начал проявлять повышенное внимание (и отчасти – настороженность) к этническим немцам, проживавшим на территории Прибалтики, Польши и Финляндии. Следует заметить, что ранее, до конца XIX в., немцы, проживавшие на территории России, пользовались поддержкой центрального руководства империи. В частности, такое покровительственное отношение было обусловлено двумя моментами. Во-первых, остзейское дворянство традиционно выступало в качестве одного из источников комплектования высшей бюрократии и военного руководства империи и всегда пользовалось доверием монархов в силу неоднократно доказанной лояльности трону. Во-вторых, немецкие этнические группы на окраинах Российской империи традиционно рассматривались как противовес местным этническим националистам (в первую очередь это касалось поляков). Однако создание Германской империи, рост напряженности во взаимоотношениях между Санкт-Петербургом и Берлином существенно изменили ситуацию: немецкое население приграничных районов начало восприниматься российским руководством в качестве потенциальных коллаборантов. Такому взгляду способствовали попытки властей Германии и организаций пангерманистского толка популяризировать соответствующие настроения среди русских немцев (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 178. Л. 92-93; Гурко, 2000: 77-78; Мехелин, 1908: 25; Симонов, 2003: 38, 41).

Затрагивая вопрос о восприятии властями империи ряда конфессиональных групп (иудаистов, униатов, старообрядцев), многие авторы стереотипно оценивают имперскую политику по отношению к ним как выстроенную на основе религиозной нетерпимости. Однако можно полагать, что подобные оценки выстроены на основе заведомого упрощения реальной ситуации, сложившейся во внутривнутриполитическом пространстве России на рубеже XIX–XX столетий.

Во-первых, необходимо учитывать, что в исследуемый период религиозная идентичность почти повсеместно рассматривалась как маркер этнической принадлежности. Например, исповедание католичества или униатства белорусом зачастую служило основанием для его идентификации как поляка (и властями, и его собственным социальным окружением). А этническая принадлежность также фактически предписывала ее носителю определенное поведение по отношению к власти. В частности, проявление лоялизма по отношению к «тюрьме народов» со стороны этнического поляка грозило последнему, в лучшем случае, социальной стигматизацией, а в худшем – прямыми преследованиями со стороны своего же ближайшего окружения. Среди старообрядцев также была

глубоко укоренена традиция негативного восприятия правящей династии Романовых. Таким образом, представители определенных конфессий в основной своей массе избыточно политизировали свою религиозную самоидентификацию и выстраивали ее на отрицании легитимности действующей российской власти – «образе врага» в лице империи и ее руководства. Все это закономерно подталкивало власти империи к поиску возможностей ограничить рост этнополитического самосознания и конфессиональной самоидентификации национальных меньшинств (Гильфердинг, 2009а: 172; Горизонтов, 1999: 112; Кудряшев, 2013; Мюллер и др., 2017: 205; РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 17. Л. 75-77; Спасович, Пильц, 1903: 71).

Во-вторых, для ряда религиозных сообществ был характерен высокий уровень фундаментализма и, как следствие, закрытости от внешнего окружения. Общение с представителями последнего при этом зачастую выстраивалось на основании иного свода норм, чем взаимодействие внутри сообщества. Для большинства традиционных моделей религиозной самоидентификации, существовавших в России в то время, был также характерен высокий уровень интрагруппового фаворитизма: их носители на бытовом уровне воспринимали свое вероучение как единственно верное и были готовы публично отстаивать такую точку зрения.

Естественным следствием такого, весьма конфликтного мировосприятия являлись дальнейшая автономизация этнотерриториальных общин и рост внутренних бытовых конфликтов среди их представителей. Это в свою очередь формировало благоприятную среду для распространения среди обывателей (для которых чаще всего были характерны низкий уровень грамотности и высокая степень подверженности аффектам в силу распространения пережитков архаичного сознания) разного рода пугающих слухов или заведомо ложных обвинений. Характерным примером последних является практика «кровавого навета» – обвинений в адрес иудаистов в том, что они якобы совершают ритуальные убийства детей-христиан. Очевидно, что системное решение данной проблемы в общероссийском масштабе требовало реализации целого ряда крупномасштабных реформ, которые должны были разрушить замкнутые конфессиональные общины, размыть религиозные и этнические основы их локальной самоидентификации, заменив их светским и имперским началами (РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 21. Л. 44; Толстой, Гессен, 1907: 23).

Однако воплощение этого плана в жизнь не только бы потребовало расходования значительного объема ресурсов, но и повлекло бы за собой риск крупномасштабной социально-политической дестабилизации внутри империи. На фоне роста напряженности во взаимоотношениях между великими державами в начале XX века эта модель решения проблемы стала восприниматься как потенциально опасная, способная ослабить Россию в условиях приближающегося военного противостояния в Европе. По этой причине власти предпочитали действовать консервативно: например, предпринимать меры, направленные на ограничение физического взаимодействия интолерантно настроенных об отношении друг к другу конфессий (Витте, 1960: 87; Гессен, 1906: 35; Гильфердинг, 2009b: 281; Головин, 2006: 18).

Наконец, руководство империи, формулируя идеологические основания общероссийской имперской идентичности, не могло игнорировать позицию Русской православной церкви. Она, хотя и находилась в административном подчинении государству, но все же сохраняла свою субъектность в качестве социального и отчасти политического института. Иерархи РПЦ были твердо убеждены в необходимости расширения масштабов миссионерской работы, в том числе – среди представителей иных религий. В свою очередь государство было вынуждено идти на уступки церковным иерархам в данном вопросе. Однако расширение миссионерской деятельности РПЦ ожидаемо провоцировало явное или скрытое сопротивление со стороны представителей иных конфессий, что закономерно приводило к росту антиправительственных настроений в среде этноконфессиональных меньшинств. Такая тревожная тенденция вынуждала власти рассматривать соответствующие этнорелигиозные группы в качестве неблагонадежных и предпринимать разнообразные контрмеры (Дякин, 1995: 135; Кизеветтер, 2001: 42).

Также важно констатировать, что заявления многих современных исследователей о ксенофобии, якобы присущей политическому руководству империи в конце XIX – начале XX вв., в подавляющем большинстве случаев лишены фактического основания. В качестве яркого и общеизвестного примера в данном случае можно привести обвинения в антисемитизме в адрес Александра III. Вместе с тем известно, что император проигнорировал недостоверные и априори провокационные сообщения о попытках «еврейства» организовать заговор против него (Платонов, 2005: 38; Левин, 2017: 30; Миллер, 2007: 314).

## 5. Заключение

Можно сделать вывод, что государственная политика в отношении наиболее значимых этноконфессиональных меньшинств, проводимая руководством Российской империи в конце XIX – начале XX вв., носила преимущественно рационально обоснованный характер, была нацелена на минимизацию политических рисков и консервацию существующей архитектуры этноконфессиональных отношений. Логика действий властей не была обусловлена системной

ксенофобией. Руководство империи выстраивало свои действия, исходя из соображений обеспечения политической стабильности и внешней безопасности хотя бы в краткосрочной перспективе. Реализация крупномасштабных проектов в области интеграции внутренних – этнических и религиозных – «значимых других» в социокультурное пространство формирующейся общероссийской имперской идентичности требовала большого объема ресурсов и предполагала использование мер и механизмов, которые неизбежно привели бы к острым конфликтам внутри правящих элит.

Помимо того, политика властей в отношении ряда этноконфессиональных меньшинств (поляки, финны, народы Северного Кавказа) была во многом детерминирована и ограничена внешнеполитическим фактором – стремлением сдержать рост деструктивного влияния иностранных держав на этнополитическую ситуацию внутри России. При этом также учитывались негативный опыт взаимодействия с носителями конкретных этнических и религиозных идентичностей в прошлом, присутствие в их коллективной памяти негативного образа русского народа либо императорской власти.

### Литература

- Бурмистрова, 1962** – Бурмистрова Т.Ю. Национальная политика партии большевиков в Первой русской революции 1905–1907 гг. Л., 1962.
- Витте, 1960** – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гессен, 1906** – Гессен Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. 471 с.
- Гильфердинг, 2009a** – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 168-251.
- Гильфердинг, 2009b** – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // Россия и славянство. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 278-295.
- Головин, 2006** – Головин Ф.А. Николай II // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. М., 2006. С. 11-25.
- Горизонтов, 1999** – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. 270 с.
- Гурко, 2000** – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993** – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Дякин, 1995** – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130-142.
- Зайончковский, 1970** – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кудряшев, 2018** – Кудряшев В.Н. «Польский вопрос» в русской либеральной публицистике 1860–1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 97-103.
- Кудряшев, 2013** – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 58-66.
- Кизеветтер, 2001** – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Кисляков, 2011** – Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 135-143.
- Коковцов, 1992** – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т. 2. М., 1992.
- Левин, 2017** – Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 29-32.
- Липранди, 1909** – Липранди А.П. Финляндский вопрос. СПб., 1909.
- Мессарош, 1897** – Мессарош П.И. Финляндия – Государство или Русская Окраина? СПб., 1897.
- Мехелин, 1908** – Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам: критический обзор. СПб., 1908.
- Миллер, 2007** – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332-350.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1. 547 с.
- Морозов, 1895** – Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895.
- Мюллер и др., 2017** – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 201-208.
- Платонов, 2005** – Платонов О.А. Еврейский вопрос в России. М., 2005. 286 с.

**Погодин, 2015** – *Погодин С.Н.* Фенномания и процесс становления национального самосознания в Российской империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3 (2014). С. 347-356.

**Погодин, Рябова, 2016** – *Погодин С.Н., Рябова А.Л.* Первый период русификации Финляндии (1899–1905 гг.) // *Россия в глобальном мире*. 2016. № 9 (32). С. 338-348.

**РГИА** – Российский государственный исторический архив.

**Симонов, 2003** – *Симонов В.А.* Национальная политика Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и реформирование власти в субъектах Российской Федерации // *Региональная и местная власть: проблемы реформирования*. Омск, 2003. С. 6-53.

**Спасович, Пильц, 1903** – *Россия и ее западные окраины*. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском. Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903.

**Толстой, Гессен, 1907** – *Толстой И.И., Гессен Ю.И.* Факты и мысли. Еврейский вопрос в России. СПб., 1907.

**Titov, 2021** – *Titov, V.V.* (2021). National Policy of Nicholas II in the Context of the Formation of Imperial National-State Identity. *Bylye gody*. 16(2): 872-880.

## References

**Burmistrova, 1962** – *Burmistrova, T.Yu.* (1962). Natsional'naya politika partii bol'shevikov v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. L. [in Russian]

**Dyakin, 1995** – *Dyakin, V.S.* (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130-142. [in Russian]

**GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

**Gessen, 1906** – *Gessen, Yu.I.* (1906). Evrei v Rossii. Ocherki obshchestvennoi, pravovoi i ekonomicheskoi zhizni russkikh evreev [Jews in Russia. Essays on the social, legal and economic life of Russian Jews]. SPb. 471 p. [in Russian]

**Gil'ferding, 2009a** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Pol'skii vopros [The Polish Question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 168-251. [in Russian]

**Gil'ferding, 2009b** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiya i slavyanstvo*. M. Pp. 278-295. [in Russian]

**Golovin, 2006** – *Golovin, F.A.* (2006). Nikolai II. Nikolai Vtoroi. Vospominaniya. Dnevnik [Nicholas II]. M. С. 11-25. [in Russian]

**Gorizontov, 1999** – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M., 270 p. [in Russian]

**Guchkov, 1993** – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov tells ...] M. [in Russian]

**Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]

**Kislyakov, 2011** – *Kislyakov, A.S.* (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX – nachalo XX v. [Formation of national parties in the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th – early 20th century]. *Voprosy istorii*. 11: 135-143. [in Russian]

**Kizeveter, 2001** – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]

**Kokovtsov, 1992** – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. V. 2. M. [in Russian]

**Kudryashev, 2013** – *Kudryashev, V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti. [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity] *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1: 58-66. [in Russian]

**Kudryashev, 2018** – *Kudryashev, V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoi liberal'noi publitsistike 1860–1880–kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 431: 97-103. [in Russian]

**Levin, 2017** – *Levin, V.I.* (2017). Oktyabr'skaya revolyutsiya i evrei Rossii [The October Revolution and the Jews of Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 9. 6–2: 29-32. [in Russian]

**Liprandi, 1909** – *Liprandi, A.P.* (1909). Finlyandskii vopros [Finnish question]. SPb. [in Russian]

**Mekhelin, 1908** – *Mekhelin, L.* (1908). Raznoglasiya po russko-finlyandskim voprosam: kriticheskii obzor [Disagreements on Russian-Finnish Issues: A Critical Review]. SPb. [in Russian]

**Messarosh, 1897** – *Messarosh, P.I.* (1897). Finlyandiya – Gosudarstvo ili Russkaya Okraina? [Finland - State or Russian Outskirts?] SPb. [in Russian]

**Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii. [Russian nationalism in the Romanov empire] M. Pp. 332-350. [in Russian]

Mironov, 2003 – Mironov, B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3-e izd., ispr. i dop. SPb., Vol. 1. 547 p. [in Russian]

Morozov, 1895 – Morozov, P. (1895) Finlyandiya v torgovo–promyshlennom otnoshenii [Finland in trade and industry]. SPb. [in Russian]

Myuller i dr., 2017 – Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A. (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiia v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]

Platonov, 2005 – Platonov, O.A. (2005). Evreiskii vopros v Rossii [The Jewish Question in Russia]. M., 286 p. [in Russian]

Pogodin, 2015 – Pogodin, S.N. (2015). Fennomaniya i protsess stanovleniya natsional'nogo samosoznaniya v Rossiiskoi Imperii v XIX veke [Fennomania and the process of formation of national identity in the Russian Empire in the XIX century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur*. 3: 347-356. [in Russian]

Pogodin, Ryabova, 2016 – Pogodin, S.N., Ryabova, A.L. (2016). Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899–1905 gg.) [The first period of Russification of Finland (1899–1905)]. *Rossiia v global'nom mire*. 9(32): 338-348. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Simonov, 2003 – Simonov, V.A. (2003). Natsional'naya politika Rossiiskoi imperii na territorii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo i reformirovanie vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [National policy of the Russian Empire on the territory of the Grand Duchy of Finland and the reform of power in the constituent entities of the Russian Federation]. *Regional'naya i mestnaya vlast': problemy reformirovaniya*. Omsk, Pp. 6-53. [in Russian]

Spasovich, Pil'ts, 1903 – Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otvety na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom (1903) [Russia and its western outskirts. Answers to regular questions in the Kingdom of Poland]. Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev. [in Russian]

Titov, 2021 – Titov, V.V. (2021). National Policy of Nicholas II in the Context of the Formation of Imperial National-State Identity. *Bylye gody*. 16(2): 872-880.

Tolstoi, Gessen, 1907 – Tolstoi, I.I., Gessen, Yu.I. (1907). Fakty i mysli. Evreiskii vopros v Rossii [Facts and thoughts. Jewish Question in Russia]. SPb. [in Russian]

Vitte, 1960 – Vitte, S.Yu. (1960) Vospominaniya [Memories]. V. 3. M. [in Russian]

Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

## Государственная политика в отношении этноконфессиональных меньшинств в период правления Александра III и Николая II: предпосылки и системные ограничения

Виктор Валериевич Титов <sup>a, \*</sup>

<sup>a</sup> Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

**Аннотация.** В статье анализируются специфика, предпосылки и ограничения государственной политики в отношении этноконфессиональных меньшинств в период правления Александра III и Николая II. Выбор обозначенных хронологических рамок исследования обусловлен тем, что именно в конце XIX – начале XX вв. руководство империи начало реализовывать последовательную политику формирования общероссийской имперской идентичности. Методология работы основана на сочетании элементов структурного и сравнительного анализа. Источниковая база исследования включает в себя неопубликованные материалы фондов структурных подразделений Министерства внутренних дел (хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном историческом архиве) и корпус источников личного происхождения.

Можно констатировать, что государственная политика в отношении наиболее крупных этноконфессиональных меньшинств, проводимая руководством Российской империи в конце XIX – начале XX вв., носила, как правило, рациональный характер, была нацелена на минимизацию политических рисков и консервацию существующей архитектуры этнических и межконфессиональных отношений. При этом логика действий властей не была обусловлена системной ксенофобией. Руководство империи выстраивало собственную стратегию, исходя из соображений обеспечения социально-политической стабильности и внешней безопасности хотя бы в краткосрочной перспективе. Реализация крупных проектов, связанных с полномасштабной интеграцией внутренних – этнических и религиозных – «значимых других» в социокультурное

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [VVTitov@fa.ru](mailto:VVTitov@fa.ru) (В.В. Титов)



пространство формирующейся общероссийской имперской идентичности требовала значительных ресурсов и предполагала использование механизмов, которые неизбежно привели бы к острым конфликтам внутри правящих элит.

Следует отметить, что политика властей в отношении ряда этноконфессиональных меньшинств была во многом predetermined и лимитирована внешнеполитическим фактором – стремлением сдержать рост деструктивного влияния иностранных держав на этнополитическую ситуацию внутри России. При этом также учитывались противоречивый опыт взаимодействия с носителями конкретных этнических и религиозных идентичностей в прошлом, присутствие в их коллективной памяти травмирующих сюжетов, негативных представлений о русских либо императорской власти.

**Ключевые слова:** государственная политика, общероссийская имперская идентичность, этноконфессиональные меньшинства, Александр III, Николай II.